

ЭО, 2008 г., № 2

© С.А. Кан

**Н.В. БРЮЛЛОВА-ШАСКОЛЬСКАЯ –
ЭТНОЛОГ, ЭСЕР, ЧЕЛОВЕК ЭПОХИ**

Введение

Цель данной статьи – рассказать о судьбе незаурядного этнолога-этнографа Надежды Владимировны Брюлловой-Шаскольской¹. Высокообразованный специалист по древнеримской религии, она уже в ранних своих работах начала применять методы этнологии, а оказавшись в 1920-х гг. в ссылке в Средней Азии, занялась полевыми исследованиями среди туркмен. К сожалению, Надежда Владимировна оставила немного научных публикаций. Виной тому и ее активное участие в работе Партии социалистов-революционеров (ПСР), и преследования властей, которым она подвергалась начиная с 1922 г. В формировании Брюлловой-Шаскольской как этнолога-этнографа большую роль сыграл Л.Я. Штернберг, с которым ее связывали не только общие научные интересы, но и совместная работа в общероссийском и еврейском освободительном движении в 1910-х годах и идеология революционного народничества.

В работе над биографией Штернберга автор этой статьи нашел в Санкт-Петербургском Филиале архива Российской академии наук (ПФА РАН. Ф. 282. Оп. 1. Д. 110; Ф. 282. Оп. 2. Д. 40. 315) интересный материал, проливающий свет на биографию Брюлловой-Шаскольской и в особенности на ее взаимоотношения со Львом Яковлевичем. Дополнительная информация о Брюлловой-Шаскольской была почерпнута и из опубликованных источников, и из воспоминаний ее родных². Впервые краткие сведения о ней как об ученом появились в статье "Репрессированные этнографы" А.М. Решетова (1994), а об ее политической деятельности писал Я.В. Леонтьев (1993, 1996)³. Данная статья является первым детальным обзором научной и общественно-политической деятельности этой незаурядной женщины.

Начало пути

Надежда Владимировна Брюллова родилась 18 (30) ноября 1886 г. в Петербурге в дворянской семье. Ее дед, Александр Павлович Брюллов (1798–1877), брат знаменитого художника Карла Брюллова, был сам видным художником и архитектором. Об отце ее, Владимире Александровиче Брюллове (1844–1919), известно очень мало. Мать Надежды Владимировны, Алина Ивановна Эрнст, в первом браке носившая фамилию Конради, умерла в Ленинграде в 1935 г.⁴ Несколько поколений семьи Брюлловых, как и сама Надежда Владимировна, были профессионально связаны с искусством и музеями: ее дядя, Павел Александрович, был художником и хранителем Русского музея, его сын Борис – искусствоведом, а дочь Лидия – поэтессой и секретарем редакции журнала "Аполлон" (*Зарудная-Фриман* 2002).

После успешного окончания гимназии Надежда Брюллова поступила на историко-филологическое отделение Высших женских (Бестужевских) курсов. Среди ее учителя

Сергей Александрович Кан – профессор кафедры антропологии Дартмутского колледжа (г. Гановер, США); e-mail: sergei.a.kan@dartmouth.edu

лей были такие видные специалисты по античной истории и литературе, как Ф.Ф. Зелинский и М.М. Ростовцев. С их помощью талантливая студентка, специализировавшаяся по истории античной религии, была в 1908 г. после окончания курсов оставлена при кафедре истории и классической филологии. Помимо античности Брюллова с интересом изучала средневековую и новую историю, занимаясь в семинарах Н.И. Кареева и И.М. Гревса. Последний оказал на нее особенно сильное влияние не только как блестящий педагог, но и как руководитель знаменитых экскурсий бестужевков в Италию, где они могли наглядно изучать искусство античности, средневековья и Ренессанса. Первой научной работой Надежды Владимировны, напечатанной в "Журнале Министерства народного просвещения", была рецензия на нашумевшее исследование Н.А. Морозова, посвященное датировке Апокалипсиса (*Брюллова* 1908). Морозов исходил из правильного постулата, что в Библии можно найти указание на те или иные астрономические явления, а затем путем математических вычислений установить их датировку. Однако, как указала Брюллова-Шаскольская, он допустил немало ошибок в вычислениях, которые в итоге привели его к неправильной интерпретации библейской истории. Рецензия показала солидные знания молодого ученого в области античной и библейской истории.

В 1909 г. Надежда Владимировна вышла замуж за Петра Борисовича (Бернгардовича) Шаскольского (1882–1918), ученика Гревса и приват-доцента Петербургского университета, специалиста по истории средневековой Италии, одного из лидеров Трудовой народно-социалистической партии (ТНСП)⁵. В 1910 г. за отличную учебу она была отправлена на три года в научную командировку в Германию и Австрию. В том же году она вступила в ПСР, одновременно поддерживая связь с социал-демократами и трудовиками⁶.

Будучи за границей, она занималась в Гейдельбергском и Венском университетах с такими видными специалистами по истории, археологии и филологии античности, как Людвиг Радермахер (1867–1952) и Фридрих Карл фон Дун (1851–1930). Кроме того, она провела часть времени в Риме, занимаясь научной работой в Американском и Немецком археологических институтах. Результатом этих исследований стала диссертация о римском анимизме. Написанная по-немецки, она осталась не напечатанной из-за вспыхнувшей Первой мировой войны. Важнейшей публикацией Брюлловой-Шаскольской в эти годы стала большая статья "Die Argeerfrage in der Römischen Religion", напечатанная в журнале классической филологии *Wiener Studien*, одним из редакторов которого был Радермахер (*Brüllow-Schaskolsky* 1911). На основе анализа древнеримских обрядов и религиозных представлений, а также данных сравнительной мифологии и религии, Брюллова-Шаскольская подробно проанализировала функции малоизученного культа аргеев (святынь, связанных с весталками).

За годы пребывания за границей Надежда Владимировна постепенно изменила методику своих научных изысканий в области древнеримской религии: начав как историк-античник, она постепенно превратилась в специалиста по сравнительной этнологии. Вот как она описала эту трансформацию в своих воспоминаниях: «Отчасти под влиянием работ... Альбрехта Дитериха и издаваемого им журнала "Archiv für Religionswissenschaft", отчасти сама, ощупью, я пришла к необходимости изучения проблем религии Греции и Рима методом не классической филологии, а сравнительной этнографии. Мою первую работу... "Der Römische Animismus" я строила по этому принципу, разыскивая в Риме общечеловеческие элементы, первобытное "Многодушие"» (ПФА РАН. Ф. 282. Оп. 1. Д. 110. Л. 34)⁷.

Находясь за границей с мужем, Надежда Владимировна жила в основном в Риме, где они оба периодически вели экскурсии по истории и искусству "вечного города" для студентов, приезжавших в Италию с Гревсом⁸. Согласно статье Гардзонио и Леонтьева (2005: 151–202), чета Шаскольских принимала активное участие в жизни русской

эмигрантско-студенческой общины Рима и познакомилась там с целым рядом видных эсеров, в том числе Г.И. Шрейдером, будущим городским головой Петрограда.

В период между 1910 и концом 1913 г. Шаскольские часто наезжали в Петербург, где оба сотрудничали в научных и литературно-политических журналах. Надежда Владимировна напечатала несколько рецензий в "Гермесе", научно-популярном журнале по истории и культуре античности. Одна из них ("Новые работы о римском анимизме") непосредственно затрагивала интересовавшие ее научные проблемы (*Брюллова-Шаскольская* 1911). Двумя годами позже в Трудах Петербургского университета был напечатан ее перевод Секста Эмпирика с введением и комментариями, а в 1914 г. вышла последняя ее статья по античной религии "Вотивные изображения в религии древнеримского дома" (*Брюллова-Шаскольская* 1914)⁹. Работа эта появилась в сборнике, посвященном 40-летию научной деятельности Кареева. Наряду с работой Брюлловой-Шаскольской в него вошла статья ее мужа и других видных историков и искусствоведов, выпускников университета и Бестужевских курсов¹⁰. В этой статье Надежда Владимировна вновь возвращается к теме римского анимизма. В своем анализе представлений о духах (гениях) и ритуалах, связанных с ними, она выступает не только как античник, но и как этнолог-компаративист и эволюционист, разбирающий древнеримскую религию с помощью сравнительной мифологии и этнографии. Статья ее пестрит цитатами из трудов Э. Тайлора, В. Вундта, К. Прейсса, В. Богораза и др.¹¹

Еще одним важным научным занятием Брюлловой-Шаскольской в последние предвоенные годы была работа в Новом энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона, где она редактировала отдел античной религии. Перу Надежды Владимировны принадлежит десяток интересных статей, в том числе "Веста", "Жрецы" и др. Главным редактором этой энциклопедии был прогрессивный ученый-юрист К.К. Арсеньев, а среди редакторов исторического отдела было несколько учителей Брюлловой-Шаскольской с Бестужевских курсов. Одновременно со всей этой работой Надежда Владимировна и ее муж сотрудничали с такими прогрессивными и лево-либеральными журналами, как "Вестник Европы", "Северные записки" и др.

Между 1913 и 1916 гг. молодой этнолог успешно сдала три цикла экзаменов на диплом первой степени в Петербургском университете. Однако, как писала сама Брюллова-Шаскольская, она не сдала магистерского экзамена "как за отсутствием тогда в Ленинграде этнографического факультета, так и в силу загруженности общественной работой" (ПФА РАН. Ф. 282. Оп. 1. Д. 110. Л. 33). Помимо занятий общественной и литературной деятельностью, Надежда Владимировна преподавала русский язык и литературу в Василеостровской женской гимназии, прогрессивном учебном заведении с народнической окраской (Я.В. Леонтьев, устное сообщение, 2006 г.). Кроме того она участвовала в кружке "культурников", проводивших экскурсии для рабочих в Русском музее (*Леонтьев* 1996: 89). Интерес Брюлловой-Шаскольской к такого рода экскурсионной работе понятен: он отвечал ее политическим убеждениям и непосредственно вытекал из ее учебы и сотрудничества с Гревсом, ведущим пропагандистом применения "экскурсионного метода" в преподавательском деле¹².

Помимо общественной работы такого рода, Брюллова-Шаскольская все больше втягивалась в деятельность ПСР, специализируясь по национальному вопросу. На этом поприще она близко познакомилась с видными социалистами страны, партии которых были близки эсерам. Особенно ее привлекали еврейские социалисты, М.Б. Ратнер, Х. Житловский и др. Возможно, под влиянием Ратнера, или просто потому, что евреи являлись одной из самых угнетенных национальностей царской России, Брюллова-Шаскольская активно включилась в работу еврейских общественных организаций, в особенности так называемого "бюро Фридмана"¹³. Н.М. Фридман (1863–1921) был известным адвокатом, выступавшим в защиту жертв еврейских погромов. Будучи депутатом 3-й и 4-й Государственной думы, он представлял в ней еврейские интересы и противостоял антисемитским акциям и измышлениям правых кругов. Особенно ак-

тивную роль он сыграл в разоблачении клеветнических слухов о массовом предательстве еврейского населения прифронтовых губерний, распространявшихся генеральным штабом с начала Первой мировой войны, и в помощи изгнанным оттуда еврейским беженцам. Как позднее вспоминала Брюллова-Шаскольская, в 1916 г. она ездила в Полтаву для организации кампании против антисемитизма и, сблизившись с местными революционными группами, провела несколько рабочих собраний, после чего была арестована и содержалась в Полтавской тюрьме около двух месяцев. По выходе ее обязали вернуться в Петербург¹⁴.

На одном из заседаний участников бюро Фридмана, состоявшегося на квартире Шаскольских, присутствовал Л.Я. Штернберг, в 1910-е годы принимавший активное участие в еврейском и общероссийском освободительном движении. Как старый народовец он пользовался большим уважением среди эсеров, а как один из лидеров Еврейской народной группы, ведущий сотрудник главной русскоязычной еврейской газеты "Новый Восход" и член оргкомитета Еврейского историко-этнографического общества, был знаком со всеми главными еврейскими общественными и политическими деятелями столицы (*Kan* 2008). Как позднее вспоминала Надежда Владимировна, она давно мечтала с ним познакомиться и не только потому, что его окружал ореол одного из последних ярких деятелей "Народной воли", прошедшего многие годы в тюрьме и ссылке. Интересовал он ее и как видный этнолог, статья которого о религии гиляков привлекла ее внимание еще в 1905 г. (*Shternberg* 1905)¹⁵. В тот вечер Штернберг и Брюллова-Шаскольская говорили и о политике и об этнологии. Надежда Владимировна рассказала старшему этнографу МАЭ о своих научных работах и подарила несколько оттисков своих статей. Лев Яковлевич очень заинтересовался ими и стал уговаривать ее перейти к систематической работе по этнографии.

Однако, как вспоминала Надежда Владимировна, "ближайшие годы были не благоприятны для этого, так как я все более и более вплотную была захвачена политической, а также культурно-просветительской работой; я шла тогда вширь, а не вглубь. Я не бросала научной работы... но это было урывками. С Львом Яковлевичем мы часто виделись, общаясь по обеим линиям моей жизни – научной и политической. Все ближе делался он мне как человек. Я видела в нем изумительный, органический синтез чело- века, ученого, общественного деятеля. Он был цельной "критической личностью" в лучшем смысле этого слова. Этнография была для него не отвлеченной наукой, а живой жизнью, насквозь проникнутой его гуманизмом, его подходом к человеку. Сравнить его в этом отношении можно было бы только с Миклухо-Маклаем" (ПФА РАН. Ф. 282. Оп. 1. Д. 110. Л. 34). Постепенно между Штернбергом и Брюлловой-Шаскольской завязалась крепкая дружба. В последние предреволюционные годы она посещала этнографический кружок Штернберга при МАЭ (*Решетов* 1994: 190). Когда осенью 1918 г. скончался ее муж, Лев Яковлевич и его жена, Сарра Аркадьевна, проявили к ней "горячую сердечность и ласку", которую Надежда Владимировна запомнила на всю жизнь (Там же).

Ведущий специалист ПСР по национальному вопросу

Наступил февраль 1917 г., и Брюллова-Шаскольская с головой окунулась в партийную работу. Ее муж тоже ушел в политику: сначала как член ЦК ТНСП, а с осени 1917 г. как член партии эсеров и помощник заведующего национальным отделом Министерства внутренних дел Временного правительства (*Шаскольская* 1996; *Волобуев* 2003). Надежда Владимировна сделалась видным деятелем ПСР еще в годы войны, а после свержения монархии она стала главным специалистом своей партии по национальному вопросу¹⁶. Не случайно она представляла ПСР в бюро совета национально-социалистических партий, образованном летом 1917 г., и выступала с докладами по национальной программе партии на III и IV ее съездах. Кроме того, в 1917 г. она опубли-

ликовала четыре брошюры на эту тему¹⁷. Мне кажется, что остановиться подробнее на ее взглядах на решение этой сложной проблемы стоит потому, что они отражают не только ее народническую идеологию, но и научные воззрения.

Резко критикуя узкий национализм, Брюллова-Шаскольская настаивала на том, что "человек не может жить совсем без нации". Понимала она нацию в традициях народничества. По ее словам, "нация есть группа людей, объединенных общей исторической судьбой, общим прошлым, когда сообща... выработалась общая среда, общий быт, традиции и навыки... Принадлежность к той или иной нации определяется самим человеком. Никто не может быть записан в списки нации на основании государственной, расовой принадлежности или происхождения своего" (*Брюллова-Шаскольская* 1917а: 13–14). Позднее она дает более подробное определение нации как "группы людей, объединенных общей исторической судьбой, совокупностью ценностей, вместе, в поколениях предков, созданных и ныне вместе создаваемых, ценностей прошлого, вылившихся в культуру и создавших культурную среду, как почву для новых возможностей и нового творчества политического, социального и чисто культурного, научного, литературного, художественного" (*Она же* 1917б: 18). Такое определение являлось явно более "этнологически-правильным", чем ленинско-сталинское, которое легло в основу советской национальной политики. Брюллова-Шаскольская, будучи последовательницей Лаврова и Михайловского, не только не растворяла личность в нации, но, наоборот, настаивала на том, что "если мы исходим из признания ценности человеческой личности и безусловного к ней уважения, то же мы испытываем по отношению к тому объединению людей, где личность и ее творчество выражается лучше всего – к нации" (Там же). Примерно такое же определение нации мы находим у Штернберга (курс лекций "Введение в этнографию": ПФА РАН. Ф. 282. Оп. 1. Д. 183)¹⁸.

Какие конкретные предложения высказывала Брюллова-Шаскольская по национальному вопросу в России? Под влиянием взглядов М. Ратнера на решение еврейского вопроса и национальной программы австрийских социал-демократов и лидеров Еврейской социалистической рабочей партии она с самого начала встала на позицию федерализма, самоопределения наций и "территориально-национальной автономии в пределах этнографического расселения". Она также отстаивала идею создания экстерриториальных, персонально-автономных союзов со своими местными общегосударственными правительственными органами ("сеймами") (Протоколы 1917: 297–298; *Брюллова-Шаскольская* 1917а: 25; *Волобуев* 2000. Т. 3. Ч. 1: 145–136, 422–429; Ч. 2: 222–223; *Козляков* 2001: 85–89, 123; *Кривенький* 1996: 573–574; *Леонтьев, Магид* 1998). Резолюции по национальному вопросу, принятые на съездах ПСР, были очень близки к предложениям, сформулированным в докладах Брюлловой-Шаскольской (*Козляков* 2001). В то же время эсеры отвергли идею полной независимости составлявших Россию народов и настаивали на том, что окончательное решение административно-территориальной организации страны должно будет решаться Учредительным собранием¹⁹. Хотя программу ПСР по национальному вопросу и можно назвать утопической, она была, по моему мнению, наиболее прогрессивной из всех программ российских политических партий в 1917 г.²⁰ В отличие от большевиков эсеры старались объединиться с "родственными социалистическими партиями", прислушивались к их мнениям и предусматривали в будущем создание "Российского социалистического интернационала на федеративных началах" (*Волобуев* 2000. Т. 3. Ч. 1: 603–604; *Козляков* 2001: 86)²¹. Именно Брюллова-Шаскольская выступала на IV съезде ПСР за реорганизацию ее на федеративных началах и за объединение всех национальных социалистических партий.

После большевистского переворота эмоциональный подъем, который переживала Надежда Владимировна после Февральской революции, сменился разочарованием. Тем не менее она продолжает партийную деятельность. Как я уже упоминал, на IV съезде ПСР, проходившем в Москве в конце ноября – начале декабря 1917 г., она

выступает с основным докладом по национальному вопросу, а спустя пять месяцев принимает участие в Совете партии как представитель Северо-Западной областной конференции²². До закрытия главной газеты ПСР "Дело народа" летом 1918 г. она регулярно помещает в ней статьи (в основном по национальному вопросу).

После раскола ПСР Надежда Владимировна возглавила Петроградский губком партии и встала на позицию вооруженной борьбы с большевиками. Таких же взглядов придерживался и ее муж, который принимал активное участие к подготовке к выборам в Учредительное собрание и до и после большевистского переворота (*Шаскольская* 1996: 690). Одновременно чета Шаскольских продолжала заниматься просветительской деятельностью. Оба читали лекции на курсах общества "Культура и Свобода", организованного Горьким в марте 1918 г. и возглавляемого им²³. Горький хотел, чтобы "Культура и Свобода" стало надпартийной просветительской организацией демократической интеллигенции, которая бы работала на ниве "демократизации знаний" как залога социального прогресса. Тем не менее, объединив левую антибольшевистскую и небольшевистскую интеллигенцию, оно все-таки приобрело политический характер и потому смогло просуществовать лишь недолго (*Yedlin* 1999: 125–126)²⁴.

Вся эта деятельность Шаскольских не могла не привлечь внимания ВЧК. С наступлением красного террора Шаскольскому пришлось перейти на нелегальное положение. Когда осенью 1918 г. Петр Борисович тяжело заболел "испанкой" (или воспалением легких), его пришлось перевозить из дома в дом, что, возможно, и погубило его. Боясь выдать его местонахождение, Надежда Владимировна не навещала его (*Анциферов* 1992: 508). Шаскольский скончался 1 октября 1918 г.

Вскоре после смерти мужа она уехала с тремя детьми на Украину, где пробыла до 1921 г. Согласно *curriculum vitae* Брюлловой-Шаскольской, написанному в конце 1920-х годов, она была послана в Константиноград (ныне Красноград), а потом в близлежащий Харьков Петроградским отделом народного образования в качестве заведующей внешкольной работой кооперации, лектора Харьковского наробразы по заводам и фабрикам и организатора и заведующей рабочим университетом в Запорожье. По-видимому, к этому времени она решила сотрудничать с новой властью. Однако главной причиной ее отъезда из Петрограда было бегство от голода в ту часть страны, где ситуация в этом плане была получше. Кроме того, на Полтавщине находилось имение сводной сестры Брюлловой-Шаскольской, Веры Германовны Конради, где и поселились на некоторое время беженцы из голодного Петрограда²⁵. При часто сменявшихся режимах рабочие организации кое-как продолжали существовать. Во время одной из таких перемен Надежда Владимировна была на несколько дней арестована белыми. После очередного прихода белых в Константиноград она перебралась в Харьков.

Довольно скоро после ее приезда Харьков был занят немецкими войсками, а в конце июня 1919 г. захвачен денкинцами. Известно только, что она продолжала участвовать в работе ПСР. Как пишет Леонтьев (2005: 22), «в Харькове ей пришлось выбирать из двух зол – большевизма и белогвардейщины – с ее точки зрения меньшее. Выбор пал в сторону поиска компромисса с первым, что привело Брюллову-Шаскольскую в оппозиционную ЦК ПСР группу "Народ"». Группа эта оформилась осенью 1919 г., отвергнув лозунг третьего пути, провозглашенный ЦК партии, и встав на позицию сотрудничества с советской властью. В ноябре того же года члены "Народа" вышли из ПСР и объявили себя "Меньшинством партии социалистов-революционеров" (МПСР). Брюллова-Шаскольская участвовала во 2-й конференции МПСР в Москве летом 1920 г., на которой был сформулирован устав группировки и где она была избрана членом ее центрального бюро (*Чубыкин* 1996: 380–381)²⁶. Несмотря на свои серьезные расхождения с ПСР, новая организация была во многом не согласна с политикой большевистского правительства, в особенности по крестьянскому и национальному вопросу. Так, например, Брюллова-Шаскольская и другие члены группы

"Народ", а также близкие к левым эсерам деятели развивали идею федерализма, т.е. широкой автономии местных советов как залог развития регионов и национальных меньшинств. Ими же разрабатывалась программа трудового национального самоуправления – федерации этнических групп на основе вольного труда. По их плану, населенные пункты с компактным проживанием того или иного народа должны были получить широкую автономию в рамках общероссийской федерации (<http://www.aitrus.narod.ru/Levak.htm>). В качестве руководителя харьковской группы МПСР Брюллова-Шаскольская вела переговоры с левыми эсерами насчет объединения (Я.В. Леонтьев, личное сообщение, 2006 г.).

В январе 1920 г., т.е. уже при красных, она была избрана экстраординарным профессором кафедры истории религии и кафедры этнографии Харьковского университета. Произошло это по предложению Е.Г. Кагарова. Специалист по религии античности, постепенно переключившийся на этнологию, он знал о Брюлловой еще с дореволюционных времен, когда оба они сотрудничали в журнале "Гермес". В конце 1920 г. Надежда Владимировна выехала в Крым, где уже давно проживали у ее друзей все ее дети. Последние восемь месяцев, проведенных на Украине, она жила в г. Александровске в Запорожье (Я.В. Леонтьев, личное сообщение, 2006 г.). Осенью 1921 г. она с семьей наконец вернулась в Петроград.

Возвращение домой

В 1921 г. Штернберг начал переписываться с Брюлловой-Шаскольской по поводу ее возвращения в родной город, и в том же году она получила приглашение на работу в МАЭ. Начав как научный сотрудник, она вскоре была назначена ученым хранителем и заведующей отделом Африки. Надежда Владимировна считала себя не подготовленной к этой работе. Как она позже вспоминала, на ее слова, что "этот отдел был у нее не разработан", Штернберг ответил неумолимо: "Вот Вам книги, садитесь и работайте" (ПФА РАН. Ф. 282. Оп. 1. Д. 110. Л. 35). Одновременно Брюллова-Шаскольская начала преподавать курс сравнительной мифологии на Этнографическом отделении Географического института и историю религии в Петроградском еврейском университете (ПЕНУ). Обе эти должности были наверняка получены благодаря содействию Льва Яковлевича, декана Этнографического отделения и профессора ПЕНУ. Последний просуществовал всего шесть лет, но за эти годы в нем успели поработать многие видные ученые Петрограда, в том числе историки Ю.Д. Бруцкус и С.Г. Лозинский, философ А.З. Штейнберг и многие другие²⁷. В этот период своей жизни Брюллова-Шаскольская стала, по ее собственным словам, "ученицей Штернберга в полном смысле слова". Она посещала его семинар по первобытной религии в Географическом Институте, он же руководил всеми ее научными исследованиями. Как вспоминала Надежда Владимировна, «Лев Яковлевич много и яростно спорил со мной по поводу теорий, приводимых в моих работах, например теории первобытной магии и анимизма. Но я чувствовала себя особенно близкой ему, когда он меня "бранил" и "ворчал"». В научном подходе Штернберга Брюллову-Шаскольскую особенно привлекало сочетание анализа и синтеза. По ее словам, Лев Яковлевич "был одинаково враждебен и беспочвенным обобщениям и узкому крохоборскому фактособирательству" (ПФА РАН. Ф. 282. Оп. 1. Д. 110. Л. 35).

Помимо преподавательской, музейной и научной работы Брюллова-Шаскольская принимала активное участие в деятельности Социологического общества им. М. Ковалевского и Вольной философской ассоциации (Вольфила)²⁸. В начале 1920-х годов обе эти организации объединяли видных петроградских ученых-гуманитариев и литераторов старой (немарксистской) школы, в том числе П. Сорокина, Г. Шпета, Р. Иванов-Разумника, А. Белого и др. Они старались сохранять и развивать народническую философию и социологию, противопоставляя ее (и открыто и в несколько за-

вуализированной форме) большевистскому марксизму²⁹. В 1922 г. Брюллова-Шаскольская приняла участие в собрании, посвященном Лаврову. Доклады, прочитанные там, легли в основу сборника "П.Л. Лавров", выпущенного в Петрограде в 1922 г. Перу Надежды Владимировны в этом сборнике принадлежит статья "Лавров и Михайловский". Написанная в типичной народнической традиции, она заканчивается словами, из которых видно, что автор в то время верила в дальнейшее развитие идей этого направления русской философской и социально-политической мысли: "И будущее того течения мысли, которое условно и узко названо народничеством, лежит, конечно, не в слепом принятии идолов – Лаврова и Михайловского, а в критическом и смелом развитии их мысли и в дальнейшем, органически связанном с ними направлением" (*Брюллова-Шаскольская* 1922а: 420). В том же 1922 г. в Вольфиле проходил цикл докладов, посвященный "проблеме национальности", в рамках которого, в частности, состоялось выступление Надежды Владимировны на тему "Проблема национальности в русской истории" (см.: *Белоус* 2005: 389).

Зимой 1921/1922 г. она договорилась с левым эсером И.З. Штейнбергом об издании в берлинском издательстве "Скифы" совместной работы с известным эсером и историком общественной мысли Е.Е. Колосовым о Н.К. Михайловском. По-видимому, ее последующий арест сорвал завершение этой уже проанонсированной работы (Я.В. Леонтьев, устное сообщение, 2006 г.). В этот же период Брюллова-Шаскольская тесно сблизилась с другим известным эсером и историком общественной мысли А.А. Гизетти и его женой Е.О. Флеккель. Они, по словам Тамары Петровны Шаскольской, стали большими друзьями Надежды Владимировны. В самых дружеских отношениях находилась она и с Д.М. Пинесом – ученым секретарем Вольной философской ассоциации, левым эсером и крупным специалистом по Серебряному веку (Я.В. Леонтьев, устное сообщение, 2006 г.; ср.: *Иванов-Раумник* 2000).

В том же 1922 г. Брюллова-Шаскольская приняла участие в сборнике памяти еще одного писателя и общественного деятеля, горячо любимого либеральной и левой интеллигенцией ее эпохи, – В.Г. Короленко. Этот сборник, вышедший под редакцией члена партии народных социалистов А. Петрищева, включает воспоминания и статьи четырех этнологов, знавших Короленко: Штернберга, Богораза, Йохельсона и Брюлловой-Шаскольской. Интересно, что ее статья посвящена глубоко волновавшей ее еврейской теме, а именно неустанной борьбе Короленко против антисемитизма и дискриминации евреев России (*Брюллова-Шаскольская* 1922б)³⁰. Как вспоминала она сама, Штернберг сыграл большую роль в формировании ее взглядов на еврейский вопрос: "В своем подходе к еврейскому вопросу Л.Я. всегда оказывал на меня неизменное влияние"³¹. Особенно сильное впечатление произвел на нее рассказ Штернберга о том, как однажды в Сахалинской ссылке ему пришлось по просьбе простых ссыльных читать в православную Пасху Евангелие. Слышала она эту историю от самого Льва Яковлевича во время празднования еврейской Пасхи в доме Б.Д. Бруцкуса в 1921 или 1922 г. (ПФА РАН. Ф. 282. Оп. 1. Д. 110. Л. 35)³².

Начало 1920-х гг. оказалось, пожалуй, самым продуктивным периодом в жизни Брюлловой-Шаскольской. Но закончился он уже летом 1922 г., когда Советская власть решила окончательно уничтожить ПСР. Имя Надежды Владимировны фигурировало в списке эсеров, подлежащих аресту в связи с готовившимся весной 1922 г. процессом "правых эсеров". Однако по какой-то причине чекисты не могли разыскать ее, и арестована она была в конце июля 1922 г., когда процесс уже закончился.

Интересные детали об этом аресте сообщил мне Я.В. Леонтьев. Согласно обнаруженным им архивным документам, в деле Брюлловой-Шаскольской имеется в качестве вещественного доказательства копия письма, подписанного ею и ее бывшим соратником Э.П. Эстриным к эсерам-эмигрантам, в котором они выступили в защиту обвиняемых членов ЦК ПСР. В нем говорилось:

"20/V–22 г.

Дорогие товарищи

При первом свидании (очевидно, сведения. – *Я.Л.*) о разоблачениях Семенов и Коноплевой... (так! вероятно, пропущено слово или фраза. – *Я.Л.*) нас послать Вам за границу через Московских товарищей письмо, в котором мы сообщаем некоторые факты, нам близко известные и могущие играть некоторую роль в освещении общей картины. В настоящее время мы здесь не имеем точных сведений относительно позиции, которую намерен занять ЦК в процессе, но считаем нужным сообщить Вам еще раз эти факты с тем, чтобы Вы могли их использовать, если и как это Вам покажется нужным.

Мы были членами Сев. Обл. (т.е. Северного Областного) и Петроградского Губ. Ком. в 1918 г.

Весною на заседании Губкома был поднят вопрос о терроре и приняты по этому поводу некоторые постановления. Они были доложены ЦК в лице А.Т.Р.Г. и последний дал определенный ответ, сводивший к тому, что ЦК актов санкционировать не считает возможным.

Этот разговор хронологически совпадает с тем временем, когда, по показаниям Кон. и Сем. (т.е. Коноплева и Семенова), ЦК все переговоры о терроре с их группой (так! вероятно, пропущено слово или фраза. – *Я.Л.*)...

С товарищеским приветом

Н. Брюллова-Шаскольская

Эстрин".

Комментируя этот документ, Леонтьев пишет, что "формальные основания для ареста Брюлловой-Шаскольской были, так как процесс над правыми эсерами для большевиков был показательным"³³. Пока Брюллова-Шаскольская находилась под следствием, Штернберг пытался хлопотать об освобождении своей коллеги, посылал ей в тюрьму книги и убеждал заниматься научным трудом. По ходатайству директора МАЭ акад. Е.Ф. Карского 26 декабря 1922 г. акад. С.Ф. Ольденбург обратился в ГПУ с просьбой "сделать распоряжение о том, чтобы Н.В. Брюллова-Шаскольская перед ссылкой была выпущена на 10 дней для сдачи дел Музея и составления описи по Выставке религии, устраиваемой Петрополит-просветом" (*Решетов* 1994: 191). Власти проигнорировали просьбу академика и в наказание за ее активную деятельность в партии правых эсеров отправили Надежду Владимировну в ссылку в Среднюю Азию сроком на три года с дальнейшим поражением в правах. Отвергнута была и просьба Брюлловой-Шаскольской заменить ссылку на высылку за границу на тот же срок. Лев Яковлевич и его жена приехали на вокзал проститься с сыльной, старались подбодрить ее (ПФА РАН. Ф. 282. Оп. 1. Д. 110. Л. 35–35 об).

Первая среднеазиатская ссылка

Сначала Надежду Владимировну отправили в Ташкент, но через четыре месяца по какой-то причине вновь арестовали и перевели в Ашхабад³⁴. В трудные годы ссылки главным источником бодрости и надежды для нее были письма Штернберга. Именно он, начавший свою собственную этнографическую деятельность в политической ссылке, уговаривал Брюллову-Шаскольскую заняться полевыми исследованиями. Вдохновенная своим учителем и другом, Надежда Владимировна начала всерьез заниматься этнографией и языком туркмен, постоянно советуясь со Штернбергом. Вот как вспоминала она обо этом: «Когда меня... перебросили из Ташкента в Ашхабад и мне надолго пришлось распрощаться с наукой и университетом и зарабатывать на жизнь элементарными частными уроками, он все время в письмах поддерживал во мне силы, посылал мне книги, хлопотал о моем возвращении. Он старался влить в меня силу духа в самых тяжелых условиях... И у меня все время была одна мысль, державшая

меня на высоте в самые черные дни: "Жить и работать и здесь так, чтобы Лев Яковлевич был мной доволен"» (Там же).

В те годы профессиональные этнографы и музейные работники были очень нужны в Средней Азии. Не удивительно, что сразу по приезде в Ташкент Брюллова-Шаскольская была принята Восточным институтом (частью Среднеазиатского государственного университета – САГУ) на кафедру общей этнографии³⁵. Преподавать в САГУ ей, как уже было сказано, пришлось недолго. В Ашхабаде она только в 1924 г. устроилась научным сотрудником Государственного ученого совета Туркменской ССР (ГУС ТССР) и местного краеведческого музея. С 1926 г. она работала сотрудником недавно созданного Туркменского научно-исследовательского Института и была командирована им в 1926 г. на три месяца в Керкинский округ Туркменистана для проведения этнографо-антропологической экспедиции (*Брюллова-Шаскольская* 1927а). Как писала сама Надежда Владимировна в отчете об этой экспедиции, этнографической литературы по Туркменистану на 1926 г. было мало. Особенно мало изучен был восточный Туркменистан, где проходили ее полевые работы. Экспедиция, руководимая Брюлловой-Шаскольской, состояла из двух студентов-антропологов, художницы и переводчика. Помимо собирания этнографических и антропологических материалов, она провела предварительную рекогносцировку археологических памятников района. Даже по сравнительно небольшой статье о результатах экспедиции, написанной ее руководителем, видно, насколько много работы было проделано (Там же). Брюллова-Шаскольская собирала сведения по самым различным сторонам культуры местных туркмен-эрсари, от народного искусства до семейного быта. Как специалист-античник она подробно изучила памятники древней архитектуры, выискивая в них иранские, греческие и другие влияния. А как ученица Штернберга она детально обследовала семейный и родовой быт и религию керкинского населения (*Edgar* 2003). Есть в ее статье и информация о современном экономическом и социальном положении туркмен. Не избежал внимания пытливый этнограф и местный фольклор.

Помимо этого краткого отчета о Керкинской экспедиции, напечатанного в журнале "Новый Восток", ей удалось опубликовать два небольших сообщения. Одно – о племенном составе туркмен, другое – о пережитках древних форм брака у туркмен (*Брюллова-Шаскольская* 1927б, 1928а). Этнолог Г.П. Васильева (2003: 81–82) называет последнюю работу "очень интересной теоретической статьей", в которой, привлекая обширный сравнительный материал, автор приходит к правильным выводам, что у туркмен в 1920-е годы сохранялась племенная эндогамия и что хозяйственной единицей являлась не большая, а малая семья. В ашхабадский период своей жизни Брюллова-Шаскольская (1928б) также много занималась переводами туркменской поэзии на русский язык. Пользовалась она точным подстрочником, сделанным туркменским просветителем Б.Э. Бердиевым³⁶.

Надежда Владимировна занималась и составлением этнографических схем по родовому и племенному составу Туркменской ССР, которые были напечатаны в инструкции по переписи ЦСУ республики. По заданию ЦСУ она также подготовила историко-этнографический очерк Ленинского и Керкинского районов Туркмении. Как писала она Штернбергу, в результате этой работы "получились неожиданно интересные выводы как для теории родového быта, так и для истории происхождения и расселения туркмен" (ПФА РАН. Ф. 282. Оп. 2. Д. 315. Л. 3)³⁷. На базе работы, проделанной ею для ЦСУ, Брюлловой-Шаскольской очень хотелось написать научную статью для журнала "Этнография". К сожалению, планам этим не дано было осуществиться. Остались не опубликованными и такие важные работы по культуре туркмен, как полный отчет о Керкинской экспедиции и книга переводов туркменской поэзии. По-видимому, виной этому были профессиональные конфликты, вызванные политической ситуацией в стране и республике, а также местными личными антипатиями. Кое-что о них можно почерпнуть из писем Брюлловой-Шаскольской Штернбергу и Богоразу.

В Ашхабадском музее царила атмосфера интриг, главными объектами которых была Надежда Владимировна и несколько ее коллег. В результате экспедиции прекратились. Как писала она Штернбергу в декабре 1926 г.: "Туркмения страна необъятных возможностей археологических и этнографических и в ней ничего не делается. Моя Керкинская экспедиция должна была быть первой в целой цепи; эту цепь оборвали. Памятники старины гибнут. Единственные этнографы и археологи Оскар Визель и Городецкий выбиты из колеи и нас близко не подпускают ни к какому делу" (Там же. Д. 40. Л. 4 об.)³⁸.

Другой причиной профессиональных трудностей Надежды Владимировны были нараставшие трения между националистически настроенной местной туркменской интеллигенцией и российскими учеными. Будучи небольшой количественно, местная интеллектуальная элита почувствовала себя хозяином положения благодаря государственной политике "коренизации" (*Edgar* 2004). Именно поэтому не вышла в свет книга переводов туркменской поэзии, над которой так много поработала Брюллова-Шаскольская. Ее соавтору Б.Э. Бердиеву не понравилось ее предисловие, которое он нашел недостаточно патриотичным, поскольку в нем говорилось о влиянии персидской и арабской поэзии на туркменскую. Бердиев заявил переводчице, что на самом деле "это туркмены задавали тон всей мусульманской культуре". В результате он охарактеризовал предисловие как "недостаточно почтительное и по сему недопустимое с государственной точки зрения". Бердиева поддержала государственная комиссия туркменского литературного общества, которая заявила Брюлловой-Шаскольской, что "туркмен лучше понимает этнографию и историю, чем любой профессор"³⁹. В результате она приняла решение не ставить свою подпись под "всякой научной ерундой", которую собирался писать ее соавтор (ПФА РАН. Ф. 282. Оп. 2. Д. 40. Л. 2)⁴⁰. Такая же печальная судьба постигла и другую важную работу Надежды Владимировны, монографию по туркменской этнографии. Два года пролежала она "в портфеле" ГУСа и, таким образом, многие ее статистические данные устарели (Там же).

Помимо раздражения, которое вызывали все эти трудности в научной работе, Брюллова-Шаскольская постоянно страдала от материальной нужды и была вынуждена тратить время на переводы и частные уроки. Как писала она в неопубликованных воспоминаниях о Штернберге, помимо детей и мужа, он был главной ее опорой и источником бодрости и надежды. Лев Яковлевич не только помогал ей советом, но и высылал книги по этнографии, которых так не доставало Надежде Владимировне в захолустном Ашхабаде. Так, например, в 1926 г. она получила от него недавно изданные работы американского этнолога Лоуи. По-видимому, эти книги очень пригодились Брюлловой-Шаскольской в работе над курсом лекций по первобытной религии, подготовленным ею в 1925–1926 гг. По просьбе ее коллег, он также посылал в Ашхабадский музей труды классиков зарубежного эволюционизма. Таким образом, он поддерживал эволюционистские взгляды местных этнографов, столь созвучные ему самому (Там же. Д. 358. Л. 115–116)⁴¹.

Хотя в декабре 1925 г. срок ссылки бывшей эсерки закончился, она не могла вернуться ни в Ленинград, ни в другие большие города европейской части страны. Единственное, что ей удалось сделать, это перебраться в 1927 г. в Ташкент, где она стала работать в Главном Среднеазиатском музее (ГСМ). Будучи заведующей отделом кочевых народов, она разрабатывала экспонаты по туркменам и поэтому часто спрашивала совета у Штернберга. Одно время Брюллова-Шаскольская преподавала этнографию в Казахском педвузе, а позднее в САГУ, где принимала активное участие в работе исторического кружка⁴². Как писала она Льву Яковлевичу, ее доклад о конвергенции и диффузии, прочитанный в кружке, был признан многими весьма интересным, и она надеялась напечатать его в журнале "Этнография". Возможно, к этому времени ее взгляды на эволюцию несколько изменились; то же произошло с ее ленинградским учителем.

В конце 1926 – начале 1927 г. Брюллова-Шаскольская была даже временно исполняющей обязанности директора ГСМ.

Ташкентская жизнь была нелегкой. Как писала она Богоразу в 1927–1928 гг., материальное ее положение было "не блестящим". Приходилось подрабатывать уроками английского и немецкого языков. Очень трудно обстояло дело с научной литературой – не было даже самых необходимых книг по этнологии, русских и западных. Даже журнал "Этнография" не поступал в местные библиотеки, а на собственную подписку у нее не хватало денег. В духе своего учителя Надежда Владимировна критиковала местных ученых за их "узкое, краеведческое фактособирательство и боязнь сравнений и обобщений" (ПФА РАН. Ф. 250. Оп. 4. Д. 51, Л. 1). Тем не менее она начала заниматься здесь узбекским языком и продолжала свои исследования по этнографии туркмен. По сравнению с Ашхабадом, в ее профессиональной жизни все же происходили улучшения. Но через некоторое время на нее вновь обрушились невзгоды, вызванные ухудшавшейся политической атмосферой в науке и стране в целом. В октябре 1927 г. в Ташкент был откомандирован М.М. Цвибак (1899–1937). Выпускник Петроградского государственного университета (ПГУ), он посещал лекции Штернберга и имел кое-какие знания в этнологии. Однако карьеру свою он делал по линии идеологического контроля над высшей школой. Член РКП(б) с 1917 г., он уже в 1921 г. служил правительственным комиссаром ПГУ. Тремя годами позже преподавал историю народов СССР в Коммунистическом университете им. Зиновьева и историю России XIX–XX вв. в Ленинградском университете (где был доцентом). В 1925–1926 гг. из карьерных соображений Цвибак примкнул к зиновьевской оппозиции. Именно после ее разгрома его "откомандировали в партийном порядке" в Ташкент, т. е. отправили в скрытую ссылку⁴³.

Опальному Цвибаку явно нужно было выслужиться перед властями, и он лихо взялся за дело, когда в январе 1928 г. его назначили директором Среднеазиатского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (САКС). Используя свой большой ленинградский опыт, он занялся борьбой с идеологическими врагами, выбрав "бартольдовцев" (археологов, этнографов и историков старой школы) в качестве объекта злобных нападок. Под видом сокращения штатов и консолидации работы САКСа и ГСМ он сосредоточил в своих руках руководство обоими учреждениями. На заседании САКСа в июне 1927 г. он обвинил Брюллову-Шаскольскую в умышленном создании в музее нездоровой обстановки и игнорировании постановлений комитета. Не испугавшись этого шага, временный директор музея и группа ее коллег выступили против Цвибака и обвинили его в том, что из-за его проектов, не согласованных с советом музея, произошел большой финансовый перерасход. В ответ Цвибак обвинил их в том, что они идут по "архаическому", а не "советско-культурному" направлению музейного дела. Как он выразился, "советскому научно-культурному строительству САКСа препятствует тенденция старых туркестанских краеведов, воспитанных в условиях туркестанской работы до 1917 г." (Германов 1996: 124). Вслед за этим серьезным обвинением следовала угроза "выбросить за борт как чужих не желающих работать в ногу с советской культурой" (Там же). Защищаясь, Брюллова-Шаскольская заявила, что существует устав ГСМ, которым она и ее сотрудники руководствуются, и что следует или отменить его, или не нарушать и не заниматься администрированием. Исход этой борьбы был очевиден. Отметив "наличие падения дисциплины среди научного состава ГСМ" и "наличие оторванности Музея от административного руководства САКС", заседание постановило отстранить Брюллову-Шаскольскую от должности директора и уволить из музея (Там же)⁴⁴.

Для Брюлловой-Шаскольской 1927 г. оказался роковым и в другом отношении: в августе она узнала о смерти Штернберга. Как уже было сказано, все эти годы он был ее главной опорой в среднеазиатской ссылке. Лев Яковлевич не терял надежды на досрочное возвращение Брюлловой-Шаскольской в Ленинград. В 1925 г. во время реор-

ганизации МАЭ в связи с юбилеем Академии наук он писал ей, "Сколько бы для Вас нашлось дел в Музее и на Географическом факультете и как бы мы поработали вместе" (ПФА РАН. Ф. 282. Оп. 1. Д. 110. Л. 35 об). Надежда Владимировна мечтала встретиться со Штернбергом, но этого не произошло⁴⁵. Как писала она через годы после кончины своего друга и учителя: "Смерть его была для меня какой-то черной пропастью, в которую рухнул весь мир. Долго не было сил ни жить, ни работать. Но я и сейчас ощущаю его живым, чувствую его духовно около себя и по-прежнему образ его, величайшего человека, которого я знала, является светом и смыслом моей жизни" (Там же. Л. 35). А вот, что она писала в августе 1927 г. вдове Штернберга: «Я страшно устала, измучена и без того за эти годы, но всегда он был маяком, суровым и дорогим судьей всякой слабости. А теперь его нет, нет, и кажется нет, совсем нет сил тянуть лямку ташкентской жизни, которую я тяну... таких "ламед-вавников", таких святых и больших земля не часто родит» (Там же. Оп. 5. Д. 68. Л. 110)⁴⁶.

Со смертью Штернберга оборвалась главная нить, связывавшая Брюллову-Шаскольскую с Академией наук и этнографической наукой. Правда, эту роль стал играть Богораз, но он не был близким ей человеком. В письме, датированном 21 ноября 1927 г., Надежда Владимировна просит Владимира Германовича поддерживать ее перепиской и отправкой книг, сообщениями о журналах, где она могла бы сотрудничать⁴⁷. Интересно, что она идентифицировала себя с Богоразом как с бывшим ссыльным: «Вам, пережившему Колыму, должна быть понятна моя оторванность за эти годы. Теперь, конечно, лучше, чем было в Ашхабаде, но все-таки оторванность страшная; нашего типа этнографов здесь днем с огнем не сыщешь, есть только узкие и мало сведующие в общих этнограф. вопросах "краеведы"; не с кем слова сказать, нет книг. А Л.Я. (Штернберг) был моей живой нитью, связывавшей меня с Академией и вообще наукой... и она порвалась». (Там же. Ф. 250. Оп. 4. Д. 51. Л. 2). Старый народоволец откликнулся на просьбу и начал посылать ей книги и оттиски своих статей. Почти в каждом письме ему от Надежды Владимировны содержалась просьба включить ее статью о Штернберге в готовившийся сборник его памяти. По какой-то причине этого не произошло. Возможно, ленинградские коллеги Штернберга побоялись включить работу опального ученого в периодическое издание конца 1920-х годов и академический сборник, вышедший в 1930 г. Это и могло побудить Брюллову-Шаскольскую напечатать большую статью о своем учителе в солидном немецком академическом журнале "Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie" (*Brüllow-Schaskolsky* 1930). Написанная еще в Ташкенте, она вышла только в 1930 г.

Как писала Брюллова-Шаскольская Богоразу в 1928 г., ей "страстно" хотелось вернуться в родной город, но сделать это она могла бы, только получив там какую-нибудь работу – в это время ей особенно нужны были деньги: надо было отправлять семнадцатилетнего сына на учебу в Ленинград.

Последние годы

В 1929 г. Надежда Владимировна смогла наконец переехать в Ленинград, где она вернулась на работу в МАЭ. Возможно, в этом ей помог Богораз. Так, существует текст лестного отзыва, который он дал ей как ученому: "Брюллова-Шаскольская известна мне как ценный научный работник в области этнографии и музейного строительства... Я считаю ее работу достойной всякого внимания как в теоретической, так и в полевой исследовательской области" (*Леонтьев, Магид* 1997: 262). Одновременно она подрабатывала переводами и изданием книг по истории, некоторые предназначались для юношества (*Брюллова-Шаскольская* 1930, 1931, 1932). Две таких книги были изданы Всесоюзным обществом политкаторжан, где у нее было немало старых товарищей. В этот же период своей жизни она начала работать над биографией своего деда Александра Брюллова и его брата Карла⁴⁸. Попытки бывшей ссыльной сотрудни-

чать с недавно организованным изданием "Литературное наследство" не увенчались успехом. В последние годы своей жизни в Ленинграде Надежде Владимировне помогал в литературных делах старый ее товарищ из левоэсеровских кругов и Вольфила, литератор Иванов-Разумник. В конце 1920-х – начале 1930-х годов вокруг него группировались остававшиеся в Ленинграде бывшие эсеры и другие представители левой небольшевистской интеллигенции. Они поддерживали товарищей, попавших в ссылку⁴⁹.

В 1932–1933 гг. ОГПУ осуществила большую кампанию против якобы "глубоко законспирированных в подполье" эсеровских "центров". Один из них был "обнаружен" в Ленинграде, где им якобы руководил Иванов-Разумник. В феврале 1933 г. он и группа литераторов, педагогов, аграриев и студентов города были арестованы⁵⁰. Среди них была и Брюллова-Шаскольская, приговоренная вскоре к новой ссылке в Ташкент на три года. Вновь она работает в ЦГМ в отделе кочевых народов и преподает в Институте марксизма-ленинизма. Последним местом ее работы была кафедра иностранных языков Среднеазиатского финансово-экономического института. По-видимому, преподавать историю и этнографию ей уже не разрешали. Вновь она была арестована 24 апреля 1937 г. и постановлением "тройки" НКВД приговорена к расстрелу за "проведение контрреволюционной антисоветской агитации и пропаганды"⁵¹. 9 октября того же года она была расстреляна в Ташкенте⁵². Место захоронения Надежды Владимировны неизвестно, однако в начале 1990-х гг. ее дочь Тамара Петровна Шаскольская со своей кузиной Ниной Борисовной Брюлловой установили гранитную плиту на кладбище в Павловске, где похоронен Карл Брюллов и его потомки⁵³.

Примечания

¹ Поскольку Брюллова-Шаскольская перестала быть лишь кабинетным ученым только в середине 1920-х гг., я называю ее "этнологом-этнографом".

² Автор выражает особую благодарность М.Э. Шаскольской (внучке Брюлловой-Шаскольской), М.И. Зарудной-Фриман (дочери ее двоюродной сестры) и Я.В. Леонтьеву за ценную информацию о Надежде Владимировне. Ценные советы Г.Ч. Гусейнова помогли автору подготовить ее к печати.

³ Интересные новые сведения о деятельности Брюлловой-Шаскольской в рядах ПСР имеются в интернете на сайте <http://socialist.memo.ru> (Российские социалисты и анархисты после Октября 1917 г.).

⁴ До 1917 г. А.И. Конради была много лет секретарем правления Санкт-Петербургского общества помощи ручному труду.

⁵ У Шаскольских было трое детей: Валерий (1910–1948), Марианна (1913–1983) и Тамара (р. 1918), которая и ныне живет и здравствует в Петербурге.

⁶ О своем вступлении в ПСР Брюллова-Шаскольская говорила на следствии в 1933 г.: "В Вене в 1910-м году примкнула к эсеровской зарубежной группе, с какого момента считалась членом ПСР" (Архив УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской обл. Д. П-76843. Т. 1. Л. 22) (Я.В. Леонтьев, устное сообщение, 2006 г.).

⁷ Упомянутый Брюлловой-Шаскольской Альбрехт Дитрих (Dieterich) (1868–1908) был видным немецким историком религии древнего мира, который одним из первых "критиковал специалистов по античности за их незнание новейшей антропологической и фольклорной литературы и боязнь заниматься сравнительным анализом" (Marchand 2003: 149).

⁸ Вот как вспоминал о них много лет спустя другой ученик Гревса Н.П. Анциферов (1992: 306–307): "В Риме нас должна была встретить чета Шаскольских. По древнему Риму нас должна была водить жена, по Риму Возрождения и Барокко – муж... Жили они где-то в северной части Рима, близ Монте-Пинчио. Это была очень несходная между собой, любящая пара. Он – скромный, даже застенчивый, неуверенный в себе, весьма добропорядочный, идейный русский интеллигент. Она – горделивая блондинка, с рыжеватыми волосами, смелая, утвержденная в себе".

⁹ См.: *Секст Эмпирик* 1913. Любопытно, что советское издание этой книги не упоминает имени переводчицы; оно лишь запрятано в комментарии к другим текстам (*Секст Эмпирик* 1975) (Г.Ч. Гусейнов, устное сообщение, 2007 г.).

¹⁰ В 1911 г. Брюллова-Шаскольская принимала участие в составлении сборника в честь другого своего учителя И.М. Гревса. В списке учеников и учениц Гревса, также принимавших участие в этом начинании, значится ее муж, двоюродная сестра Е.П. Брюллова-Зарудная и двоюродный брат Б.П. Брюллов. Правда, из них четверых только Петр Шаскольский опубликовал статью в этом сборнике (*Шаскольский* 1911).

¹¹ В заключение автор пишет о том, что "одна из самых ценных сторон римской религии для социологического изучения есть ее консерватизм, сохранивший еще в историческую эпоху первобытные элементарные пласты" (*Брюллова-Шаскольская* 1914: 150).

¹² Согласно воспоминаниям Анциферова (1992: 204–205), Надежда Владимировна принадлежала к "кружку двадцати" при Русском музее, которым руководил искусствовед и педагог Г.К. Соломин и в который входили видные будущие экскурсоводы Б.П. Брюллов и Л.В. Розенталь.

¹³ Борис Шаскольский происходил из семьи евреев, выходцев из Германии, перешедших в лютеранство. Любопытно, что Надежда Владимировна уговорила мужа вернуться в иудаизм и похоронила его на еврейском кладбище Петрограда, т.е. отдельно от семьи Шаскольских.

¹⁴ В столице она принимала активное участие в нелегальном кружке помощи арестованным и ссыльным революционерам (Я.В. Леонтьев, устное сообщение, 2006 г.).

¹⁵ Как и Брюллова-Шаскольская, Штернберг участвовал в Новом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона.

¹⁶ После февральской революции Брюллова-Шаскольская избирается членом Северного областного и Петроградского губернского советов ПСР.

¹⁷ Брошюры эти носили следующие названия: "Как жить между собой народам России", "Национальный вопрос в России", "Народности России и их требования" и "Партия социалистов-революционеров и национальный вопрос".

¹⁸ Брюллова-Шаскольская резко противопоставляла свое ("социалистическое") понимание нации с "буржуазным", которое, по ее словам, отождествляет нацию с государством. Она считала: "Когда она (буржуазия. – С.К.) говорит о русских интересах, – она говорит о государственных интересах" (Протоколы 1917: 297).

¹⁹ Эсеры, правда, не исключали возможности отделения от России Финляндии и Польши.

²⁰ Интересно, что близкую к эсеровской позиции по национальному вопросу отстаивал на первом съезде ТНСП Шаскольский (*Волобуев* 2003: 243).

²¹ Не случайно, что после октябрьского переворота большевистское правительство поаимствовало многие идеи эсеровской национальной программы.

²² Как член Северного Областного комитета ПСР Брюллова-Шаскольская также печаталась в его газете "Земля и Воля".

²³ Брюллова-Шаскольская выступала с докладами на такие темы, как "Национальный вопрос" и "История революционного движения в России".

²⁴ Надежда Владимировна также читала публичные лекции по национальному вопросу и истории революционного движения в России в петроградском отделении Комитета гражданского просвещения, объединявшего ту же неонародническую интеллигенцию, что и "Свобода и Культура" (*Леонтьев* 1996: 89).

²⁵ Хотя к тому времени имение В.Г. Конради было у нее отобрано, ей разрешено было продолжать там жить (М. Шаскольская, устное сообщение, 2006 г.).

²⁶ Темой ее доклада на этой конференции была окраинно-национальная политика, основанная на федерализме и самоопределении народностей (*Леонтьев, Магид* 1998: 263).

²⁷ Согласно устному сообщению Я.В. Леонтьева (2006), Брюллова-Шаскольская также читала лекции в Восточном институте высших знаний.

²⁸ В заседаниях Социологического общества принимал участие и Штернберг.

²⁹ В 1922 г. многие участники этих обществ вынуждены были покинуть Россию, а в середине 1920-х годов они были закрыты властями.

³⁰ Брюллова-Шаскольская встречалась с Короленко во время своего пребывания на Украине.

³¹ Еще раз Надежда Владимировна возвращается к еврейской тематике в статье "Проблема личности в творчестве Бялика", вышедшей в 1923 г. в "Еврейском альманахе".

³² Штернберг включил эту историю в свой очерк о Короленко (*Штернберг* 1922).

³³ В заключение по делу Брюлловой-Шаскольской петроградская следовательница писала: "Что же касается деятельности БРЮЛЛОВОЙ-ШАСКОЛЬСКОЙ к моменту ареста, то она согласно агентурных сведений примкнула к подпольной организации правых С.-Р., проводя совместную с ними работу, хотя в своих показаниях БРЮЛЛОВА-ШАСКОЛЬСКАЯ отрицает свое участие в организации С.-Р. и вообще в ведении какой-либо партийной работы.

Исходя из вышеизложенного, а также принимая во внимание, что означенная БРЮЛЛОВА-ШАСКОЛЬСКАЯ по роду своей деятельности может проводить среди масс учащихся, пользуясь авторитетом, агитацию в духе своей идеологии, полагала бы возможным признать БРЮЛЛОВУ-ШАСКОЛЬСКУЮ неблагонадежным элементом, поддерживающим к.-р. деятельность подпольных антисоветских организаций и разлагающе влияющим на окружающие массы – почему нахожу необходимым изолировать БРЮЛЛОВУ-ШАСКОЛЬСКУЮ из крупных городов и научных центров РСФСР, выслав ее сроком на два года в Семипалатинскую область, под гласный надзор местных органов ГПУ".

³⁴ Судя по фотографии из коллекции Д.М. Бацера, в Ашхабаде Брюллова-Шаскольская была близка с другими политическими ссыльными эсерами и меньшевиками (<http://socialist.memo.ru/photoalbum/ga13/01.shtml>).

³⁵ Правда, ей объяснили, что, хотя по своей квалификации она должна была быть избрана профессором, но положение политической ссыльной заставляет администрацию САГУ назначить ее лишь преподавателем.

³⁶ В своей публикации туркменской поэзии Брюллова-Шаскольская сравнивала этот метод с тем, которым пользовался Брюсов и другие русские поэты при переводе стихотворений Бялика с иврита (*Брюллова-Шаскольская* 1928б: 339).

³⁷ В данной работе принимал участие еще один ученик Штернберга Оскар Эмильевич Визель (1895–?). Выпускник факультета восточных языков Петроградского университета, а затем Петроградского института живых восточных языков, он в начале 1920-х годов работал препаратором этнографического кабинета Географического института и, видимо, посещал лекции Льва Яковлевича. В 1923 г. он был сослан в административную ссылку в Зырянскую обл. на два года по "делу Совета старост университета". С 1926 по 1930 г. он жил в Ашхабаде (*Васильков, Сорокина* 2003: 98–99). Был ли его приезд туда добровольным или нет, не известно. Из писем Брюлловой-Шаскольской Штернбергу ясно, что он был и ее коллегой и (гражданским) мужем.

³⁸ Речь идет о упомянутом выше О. Визеле и археологе В.Д. Городецком.

³⁹ В 1932 г. Б. Бердиев был арестован как один из организаторов так называемой контрреволюционной организации "Туркмен азатлыгы" и осужден на 10 лет ИТЛ (*Васильков, Сорокина* 2003: 65).

⁴⁰ Согласно Брюлловой-Шаскольской, Бердиев поступил таким же образом с работой Визеля по составлению латинского алфавита для туркменского языка. Используя ее для своего доклада на важной научной конференции в Баку в 1926 г., он даже не упоминал имени русского лингвиста (ПФА РАН. Ф. 282. Оп. 2. Д. 40. Л. 5).

⁴¹ В одном из писем Штернбергу Визель сообщает о том, что у туркмен "еще проглядывается фаллический культ, тотемизм и культ предков" (ПФА РАН. Ф. 282. Оп. 2. Д. 358. Л. 115–116).

⁴² По-видимому, Надежда Владимировна преподавала или собиралась преподавать и историю: в ее неопубликованном *supercilium vitae* упоминается подготовленный краткий учебник всеобщей истории (ПФА РАН. Ф. 282. Оп. 1. Д. 40. Л. 35 об).

⁴³ Деятельность Цвибака в Ташкенте и конфликт его с сотрудниками СГМ подробно освещен в статье Германова (1996); биографические сведения о Цвибаке содержатся в справочнике "Люди и судьбы" (*Васильков, Сорокина* 2003: 400–401). Стоит добавить, что благодаря усилиям Цвибака по искоренению "бартольдовщины" в 1931 г. 11 ведущих востоковедов Ташкента, профессоров и преподавателей САГУ были арестованы. К тому времени Цвибак был уже в Москве на новом фронте идеологической борьбы. Однако в конце концов сталинская мясорубка перемолола и его: в 1926 г. он был арестован по одному делу с Н.М. Маторниным, т.е. обвинен в принадлежности к "троцкистско-зиновьевской террористической организации", а в 1937 г. расстрелян (Там же).

⁴⁴ В статье Германова (1996: 124–125) приводится смелый ответ Брюлловой-Шаскольской этому "комиссару от науки".

⁴⁵ В 1926 г., когда ей удалось провести две недели в Новгороде, Лев Яковлевич не смог к ней приехать.

⁴⁶ "Ламед-вавик" – традиционное еврейское представление, связанное с "ламед-вав цади-ким" ("тридцать шесть праведников"). Согласно ему, это есть минимальное число живущих на свете одновременно и неведомых людям праведников, которым мир в любой момент обязан своим существованием.

⁴⁷ Книги по этнографии и этнологии были нужны ей не только для собственной научной работы, но и для студентов, которые часто приходили за научным советом в области "сравнительно-этнографического метода, который им здесь никто не даст" (ПФА РАН. Ф. 250. Оп. 4. Д. 51. Л. 6).

⁴⁸ Однако подготовленные ею книги "Братья Брюлловы" и "Карл Брюллов в воспоминаниях современников" остались неопубликованными. Напечатана была только короткая статья на эту тему в журнале "Искусство" (*Брюллова-Шаскольская* 1937).

⁴⁹ По просьбе Брюлловой-Шаскольской Иванов-Разумник оказал материальную помощь ссыльной левой эсерке М.А. Спиридиновой, бедствовавшей в то время в Уфе (*Иванов-Разумник* 2000: 480).

⁵⁰ В протоколах допросов Иванова-Разумника о Брюлловой-Шаскольской говорится следующее: "В развитие предыдущих протоколов моего допроса показываю, что в группу кадров социалистов-революционеров, концентрирующихся вокруг меня и составляющих вместе со мной идейно-организационный центр народничества, входили следующие лица:

Надежда Владимировна Брюллова-Шаскольская, с которой я познакомился в 1917 г. по партийной линии и затем не встречался до 1922 г., так как последняя в первые годы революции работала на партийной работе на юге. Живя летом 1922 в Детском Селе, Брюллова-Шаскольская посещала мою квартиру. В том же году она была арестована, отправлена в политссылку, и связь с нею возобновилась, уже более не прерываясь, после ее возвращения из ссылки в конце 1929 года.

Группирующиеся вокруг меня б(ывшие) члены партии социалистов-революционеров, из числа проживающих в Ленинграде, поддерживали по причинам идейной близости связь с членами ПСР, находящимися в настоящее время в политссылке в различных местностях республики.

Мы оказывали вышесказанным лицам материальную помощь. Персонально я, по сообщению Н.В. Брюлловой о тягостном материальном положении М.А. Спиридиновой, выслал последней несколько раз по пятидесяти рублей.

11 февраля 1933 г." (*Иванов-Разумник* 2000: 479–480).

⁵¹ Брюллова-Шаскольская оказалась частью группового дела 30 ссыльных эсеров. Главной фигурой дела был бывший член ЦК ПСР Д.Ф. Раков, осужденный в свое время на 10 лет по процессу 1922 г.

⁵² Последняя публикация Брюлловой-Шаскольской – короткая статья о Карле Брюллове и А.С. Пушкине увидела свет в 1937 г. (*Брюллова-Шаскольская* 1937). Знала ли редакция журнала "Искусство", напечатавшая эту работу, что ее автор был уже на краю гибели в далекой Ташкентской ссылке?

⁵³ На плите надпись:

"Память о невинно убиенных на земле предков. Брюллов Борис Павлович, 1882–1940. Брюллова Лидия Павловна, 1886–19... Брюллова-Шаскольская Надежда Владимировна, 1886–1937".

В 1996 г. на том же кладбище была поставлена еще одна плита в память о любимой двоюродной сестре Надежды Владимировны Елене Павловне Брюлловой-Зарудной, расстрелянной чекистами в Омской тюрьме в 1921 г. (*Зарудная-Фриман* 2002: 10). В 1957 г. Брюллова-Шаскольская была реабилитирована по делу 1937 г., а в 1989 г. – по делу 1933 г.

Литература

Анциферов 1992 – Анциферов Н.П. Из дум о былом. М.: Феникс, 1992.

Брюллова-Шаскольская 1908 – Брюллова-Шаскольская Н.В. К вопросу о датировке Апокалипсиса. (По поводу книги Н. Морозова "Откровение в грозе и буре". М., 1907) // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1908. Ч. XV. С. 415–432.

- Брюллова* 1911 – *Брюллова Н.В.* Новые работы по вопросу о римском анимизме // *Гермес*. 1911. № 1. С. 255–259.
- Брюллова-Шаскольская* 1914 – *Брюллова-Шаскольская Н.В.* Вотивные изображения в религии древне-римского дома // *Николаю Ивановичу Карееву ученики и товарищи по научной работе*. СПб., 1914. С. 147–152.
- Брюллова-Шаскольская* 1917а – *Брюллова-Шаскольская Н.В.* Национальный вопрос в России. Пг., 1917.
- Брюллова-Шаскольская* 1917б – *Брюллова-Шаскольская Н.В.* Партия Социалистов-революционеров и национальный вопрос. Пг., 1917.
- Брюллова-Шаскольская* 1917с – *Брюллова-Шаскольская Н.В.* Как жить между собой народам России? Пг., 1917.
- Брюллова-Шаскольская* 1917д – *Брюллова-Шаскольская Н.В.* Народности России и их требования. Ревель, 1917.
- Брюллова-Шаскольская* 1922а – *Брюллова Н.В.* Лавров и Михайловский // *П.Л. Лавров*. Пг.: Колос, 1922. С. 404–419.
- Брюллова-Шаскольская* 1922б – *Брюллова-Шаскольская Н.В.* Короленко и евреи // *А. Короленко: Жизнь и творчество*. Пг.: Колос, 1922. С. 167.
- Брюллова-Шаскольская* 1927а – *Брюллова-Шаскольская Н.В.* На Аму-Дарье. *Новый Восток*. 1927. № 16–17. С. 292–302.
- Брюллова-Шаскольская* 1927б – *Брюллова-Шаскольская Н.В.* Племенной и родовой состав туркмен // *Народное хозяйство Средней Азии*. Ташкент, 1927. № 4. С. 5–10.
- Брюллова-Шаскольская* 1928а – *Брюллова-Шаскольская Н.В.* Страницы туркменской поэзии // *Новый Восток*. 1928. № 20–21. С. 333–339.
- Брюллова-Шаскольская* 1928б – *Брюллова-Шаскольская Н.В.* Пережитки древних форм брака у туркмен // *Изв. Средазкомстарсиса*. Ташкент, 1928. Вып. III. С. 210–222.
- Брюллова-Шаскольская* 1930 – *Брюллова-Шаскольская Н.В.* В поисках неведомой реки. *Крестьянская газета*, 1930.
- Брюллова-Шаскольская* 1931 – *Брюллова-Шаскольская Н.В.* Крестьянские волнения в годы наполеоновских войн. М.: Издательство политкаторжан, 1931.
- Брюллова-Шаскольская* 1932 – *Брюллова-Шаскольская Н.В.* Отклики пугачевщины. Крестьянские движения при Павле I. М.: Издательство политкаторжан, 1932.
- Брюллова* 1937 – *Брюллова Н.В.* Пушкин и Карл Брюллов // *Искусство*. 1937. № 1. С. 170–175.
- Васильева* 2003 – *Васильева Г.* История этнографического изучения туркменского народа в отечественной науке. Конец XVIII–XX в. М.: Наука, 2003.
- Волобуев и др.* 2000 – *Волобуев О. и др. ред.* Партия Социалистов-революционеров. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2000.
- Волобуев и др.* 2003 – *Волобуев О. и др. ред.* Трудовая народно-социалистическая партия: Документы и материалы. Т. 3. Ч. 1–2. М.: РОССПЭН, 2003.
- Германов* 1996 – *Германов В.* "Восточный фронт" // *Восток*. 1996. № 3. С. 115–137.
- Иванов-Разумник* 2000 – *Иванов-Разумник*. Писательские судьбы. Тюрмы и ссылки / Вступ. ст., сост. В. Белоуса. М.: Новое литературное обозрение, 2000.
- Зарудная-Фриман* 2002 – *Зарудная-Фриман М.* Мчались годы за годами. М.: Новое литературное обозрение, 2002.
- Козляков* 2001 – *Козляков В.Е.* Национальный вопрос и неонароднические партии. Минск: БГУ, 2001.
- Кривенький* 1996 – *Кривенький В.* Социалистическая еврейская рабочая партия // *Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века* / Ред. В. Шелохаев и др. М.: РОССПЭН, 1996. С. 573–574.
- Леонтьев* 1994 – *Леонтьев Я.В.* Брюллова-Шаскольская // *Политические деятели России 1917 г.* / Глав. ред. П.В. Волобуев. М.: Большая советская энциклопедия, 1994. С. 44–45.
- Леонтьев* 1996 – *Леонтьев Я.В.* Брюллова-Шаскольская // *Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века* / Ред. В. Шелохаев и др. М.: РОССПЭН, 1996. С. 88–89.
- Леонтьев* 2005 – *Леонтьев Я.В.* // *Из истории русской колонии в Риме (1912–1917)* / Ред. С. Гардзонно, Я. Леонтьев. М.: Три квадрата, 2005. С. 151–202.

- Леонтьев, Магид* 1997 – *Леонтьев Я., Магид М.* Левонародническая концепция решения национального вопроса и ее теоретики // История национальных политических партий России / Ред. А. Зевелев и др. М.: РОССПЭН, 1997. С. 257–266.
- Морозов* 2005 – *Морозов К.* Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926). М.: РОССПЭН, 2005.
- Протоколы* 1917 – *Протоколы 3-го съезда Партии социалистов-революционеров: Стенографический отчет.* Петроград, 1917.
- Решетов* 1994 – *Решетов А.М.* Репрессированная этнография: люди и судьбы // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 4. СПб.: Центр "Петербургское Востоковедение", 1994. С. 185–221. Вып. 5–6. СПб., 1994. С. 342–368.
- Секст Эмпирик* 1913 – *Секст Эмпирик.* Три книги Пирроновых положений / Пер. с греч., предисл. и примеч. Н.В. Брюлловой-Шаскольской. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1913.
- Секст Эмпирик* 1975 – *Секст Эмпирик.* Сочинения в двух томах. М.: Мысль, 1975.
- Шаскольская* 1996 – *Шаскольская М. Шаскольский П.* // Политические партии России. Конец XIX... С. 690.
- Шаскольский* 1911 – *Шаскольский П.Б.* Роль римской церкви в обороне Италии в эпоху нашествия лангобардов / К двадцатипятилетию учебно-педагогической деятельности Ивана Михайловича Гревса. СПб., 1911. С. 34–394.
- Чубыкин* 1996 – *Чубыкин И.* "Народ" // Политические партии России. Конец XIX... С. 690.
- Штернберг* 1922 – *Штернберг Л.* Встречи и впечатления // Короленко: Жизнь и творчество / Ред. А.Б. Петрищев. М.: Задруга, 1922. С. 61–73.
- Brüllow-Schaskolsky* 1911 – *Brüllow-Schaskolsky N.* Die Argeerfrage in der romischen Religion // Wiener Studien. 1911. Hf. 1. S. 155–172.
- Brüllow-Schaskolsky* 1930 – *Brüllow-Schaskolsky N.* Leo Sternberg als Soziologe und Ethnologe // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Soziologie. 1930. S. 445–454.
- Edgar* 2003 – *Edgar A.* Emancipation of the Unveiled: Turkmen Women under Soviet Rule, 1924–1929 // The Russian Review. Vol. 62. P. 132–149.
- Edgar* 2004 – *Edgar A.* Tribal Nation: the Making of Soviet Turkmenistan. Princeton: Princeton University Press, 2004.
- Kan* 2008 – *Kan S.* Lev Shternberg: Anthropologist, Russian Socialist, Jewish Activist. Lincoln: University of Nebraska Press, 2008 (forthcoming).
- Marchand* 2003 – *Marchand S.* From Liberalism to Neoromanticism: Albrecht Dieterich, Richard Reitzenstein and the Religious Turn in Fin de Siècle German Classical Studies // Out of Arcadia / Eds. M. Ruehl, I. Goldenhard. L.: British Institute for Classical Studies, 2003.
- Shternberg* 1905 – *Shternberg L.* Die Religion der Giljaken // Archiv für Religionwissenschaften. 1905. Vol. I: S. 244–274.
- Yedlin* 1999 – *Yedlin T.* Maxim Gorky. A Political Biography. Westport: Praeger, 1999.

S.A. Kan. N.V. Briullova-Shaskol'skaia, Ethnologist, Revolutionary, a Person of the Epoch

The article is the first survey of the life and career of Nadezhda Vladimirovna Briullova-Shaskol'skaia (1886–1937), a scholar and political activist who spent years in exile and died under circumstances that involved the hand of NKVD (Soviet Secret Police organization, also known as People's Commissariat for Internal Affairs). Having begun her scholarly path as a historian studying the religion of the Ancient Rome, Briullova-Shaskol'skaia grew into an ethnologist. Being a member of the Socialist-Revolutionary Party in the 1910s, she was one of the leading experts on the so called national question in Russia. As an ethnologist, she was influenced by remarkable Russian scholar Lev Shternberg. The article draws on previously unknown archival materials and interviews with Briullova-Shaskol'skaia's relatives.